

но точно, теряя силы, но не теряя мужества, они завершали свою работу.

Англичан и бургундцев, дежуривших на стене, охватил панический страх. Они били из пушек, кулеврин и арбалетов, они видели, как падают враги, но армия нападавших не уменьшалась. Да это, право, какие-то черти! Недаром во главе их ведьма! Вот уже тащат осадные лестницы! Все пропало!..

Некоторые капитаны и стрелки бросали стены и спешили в церковь. Парижские купцы срочно закрывали лавки. Кое-где ползли слухи, что арманьяки уже в городе...

В первый момент Жанна не почувствовала боли. Стрела угодила в бедро, пробив кольчугу в месте, свободном от лат. Ерунда! Царапина. Она уже имеет опыт в этом деле...

Девушка зажмурила глаза, вырвала стрелу и, подняв кольчугу, сдавила края раны рукой. От страшной боли присела на землю. Кровь сочилась по пальцам...

Ист, только не падать духом! Только не прерывать...

К ней подошли несколько бойцов. Лишь тут Жанна заметила, что уже совсем темно. В сентябре сумерки наступают быстро...

Девушка знала, как тогда, под Турелью, что еще немного, еще небольшая выдержка, несколько усилий, и победа будет одержана. Наведение переправы заканчивали, уже несли первые лестницы. Защитники города прекратили грязную ругань, которой весь день осыпали Жанну. Они устали и стихли. Они и стреляют-то через силу, без прежней уверенности.

Совсем как тогда, под Турелью...

И рог в вечерней мгле прозвучал точно так же, как тогда.

Рог? Жанна встрепенулась, как подстреленная птица.

Кто смеет трубить отход? По какому праву?